

СТУДЕНЧЕСКІЯ НАУЧНЫЯ ОБЩЕСТВА ¹⁾.

(Историческій очеркъ).

Б ІЮЛѢ текущаго года, былъ опубликованъ знаменательный циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ. Указывая въ немъ на разобщенность студентовъ между собою, съ профессорами и учебнымъ начальствомъ, какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ, содѣйствующихъ возникновенію и распространенію студенческихъ безпорядковъ, министръ, ради «установленія желательнаго общенія между студентами и педагогическимъ составомъ высшихъ учебныхъ заведеній», рекомендуетъ, между прочимъ, «учрежденіе, подъ непрерывнымъ отвѣтственнымъ руководствомъ профессоровъ, научныхъ

¹⁾ Источниками и пособиями для настоящей статьи послужили: 1) «Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія», т. I; 2) И. Давыдовъ, «Воспоминанія о С. Г. Салареевѣ» (М., 1821 г.); 3) Шевыревъ, «Исторія императорскаго Московскаго университета» (М., 1855 г.); 4) Сумковъ, «Московскій университетскій благородный пансіонъ и воспитанники Московскихъ университетскихъ гимназій, университетскаго благороднаго пансіона и Дружескаго Общества» (М., 1858 г.); 5) Григорьевъ, «С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ существованія» (Спб., 1870 г.); 6) Я. К. Гротъ, «Старина царскосельскаго лицея» (въ «Русскомъ Архивѣ», за 1876 г., № 4); 7) А. Н. Неустровъ, «Историческое размыканіе о повременныхъ русскихъ изданіяхъ и сборникахъ съ 1703 по 1802 г.» (Спб., 1875 г.); 8) М. И. Сухомлиновъ, «Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію», т. I (Спб., 1889 г.); 9) Буличъ, «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета», ч. I и II, (Казань, 1887—1891 гг.); 10) Д. А. Кропотковъ, «Жизнь графа М. Н. Муравьева» (Спб., 1874 г.); 11) «Историческое Обзоріе. Сборникъ, издаваемый историческимъ обществомъ при С.-Петербургскомъ университетѣ», т. IV (Спб., 1890 г.); 12) Чириковъ, «Хронологическій указатель книгъ и брошюръ, отпечатанныхъ въ Харьковѣ съ 1805 по 1879 г.» (въ «Харьковскомъ календарѣ на 1890 г.»); 13) Сигма (Сыромятниковъ), «Пробужденіе студенческой жизни» (въ «Новомъ Времени», 1899 г., 7 іюля).

и литературныхъ студенческихъ кружковъ или обществъ, въ засѣданіяхъ которыхъ могли бы читаться и обсуждаться студенческіе рефераты по научнымъ и литературнымъ вопросамъ». Но чтобы эти общества, говорится далѣе въ циркулярѣ, «не могли вырождаться въ организаціи, не терпимыя въ учебныхъ заведеніяхъ, численный составъ ихъ долженъ быть строго сообразенъ съ возможностью cadaго члена принимать активное и серьезное участіе въ дѣятельности своего общества». Въ заключеніе министра, «въ виду ожидаемой пользы отъ устройства этихъ обществъ» разрѣшаетъ удѣлять на ихъ поддержаніе нѣкоторую часть специальныхъ средствъ учебнаго заведенія».

Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени, какъ намъ извѣстно, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія идетъ усиленная работа по выработкѣ правилъ для этихъ новыхъ студенческихъ обществъ или кружковъ.

Наши газеты и журналы съ особымъ вниманіемъ отнеслись къ этому циркуляру, комментировали его на разные лады, и почти всѣ единодушно признали за вновь учреждаемыми студенческими обществами не только средство къ «общенію» и «спокойствію», но и высокое культурное значеніе. Они справедливо указывали на то, что эти общества, при удачныхъ руководителяхъ, могутъ благотворно вліять на расширеніе кругозора молодежи, способствовать развитію въ ней критическаго анализа и находчивости, умѣнью выражаться и т. п., и въ противовѣсъ этому приводили, какъ многіе наши дѣятели, техники, преподаватели и др., воспитанные на принципѣ одиночества и разьединенія, съ запасомъ однѣхъ лишь затверженныхъ лекцій, чужды общественнымъ интересамъ, сплошь и рядомъ едва могутъ сказать безъ подготовки двѣ, три связанныхъ фразы, не терпимы къ мнѣніямъ другихъ и теряются передъ мало-мальски серьезнымъ возраженіемъ.

Признавая съ своей стороны высокое значеніе за правильно дѣйствующими студенческими обществами, мы настоящимъ краткимъ историческимъ очеркомъ этихъ обществъ желаемъ еще болѣе укрѣпить за ними ихъ заслуги въ культурномъ и общественномъ отношеніяхъ. Ниже мы увидимъ, что наиболѣе дѣятельные члены студенческихъ обществъ были впоследствии сплошь и рядомъ выдающимися научными, литературными и общественными дѣятелями.

Мысль объ учрежденіи студенческихъ обществъ, конечно, не новая, она зародилась почти съ первыхъ же годовъ существованія нашего старѣйшаго университета. Успѣхъ публичныхъ «студенческихъ диспутовъ», начало которыхъ относится къ 1757 г., и удачныя работы студентовъ, печатавшіяся въ періодическомъ изданіи «Полезное увеселеніе» (съ 1759 г.), еще въ 1761 г. возбудили мысль въ профессорахъ Московскаго университета о правильной организа-

ціи «упражненій студентовъ по разнымъ отраслямъ наукъ и переводовъ, которыми могли бы они снабжать періодическое университетское изданіе». Но въ то время, при наличности въ университетѣ одного русскаго профессора Барсова, осуществить эту мысль было невозможно; и только въ 1781 г. извѣстному сотруднику Н. И. Новикова, проф. Шварцу, удалось основать «Собраніе университетскихъ питомцевъ» (воспитанниковъ университетскаго пансіона) «для упражненія въ сочиненіяхъ и переводахъ».

Тотъ же Шварцъ въ слѣдующемъ году учредилъ «Дружеское учебное общество», которое взяло подъ свое покровительство молодое «Собраніе», и дѣятельность послѣдняго, благодаря этому, особенно оживилась. Новиковскія изданія: «Утренній Свѣтъ» (окончаніе), «Московское ежемѣсячное изданіе» и особенно «Вечерняя Заря» и «Покоящійся Трудолюбецъ» были трудами питомцевъ - членовъ «Собранія».

«Издатели» «Вечерней Зари»—студенты: М. И. Антоновскій, Л. М. Максимовичъ, Л. Я. Давыдовскій, П. П. Брауншвейгъ, А. В. Могилянскій, И. А. Фабіанъ, О. Л. Тимоновичъ, А. О. Лабзинъ и П. А. Пельскій—въ предисловіи къ первой книгѣ своего журнала такъ опредѣляютъ его содержаніе: въ него войдутъ, писали они, «лучшія мѣста изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей, открывающія человѣку путь къ познанію Бога, самого себя и своихъ должностей, которыя представлены какъ въ нравоученіяхъ, такъ и въ примѣрахъ оныхъ, т.-е. небольшихъ исторіяхъ, повѣстяхъ, анекдотахъ и другихъ сочиненіяхъ стихами и прозою».

Кромѣ этихъ писателей-членовъ «Собранія», въ третьемъ томѣ «Вечерней Зари» находимъ новыя имена: М. И. Багрянскаго, М. Г. Гаврилова, П. А. Неѣлова, П. П. Тургенева, А. Е. Оболенскаго, С. И. Спѣшницкаго, П. Д. Антоновича, В. О. Трипольскаго и А. О. Малиновскаго.

Хотя въ замѣнившемъ «Вечернюю Зарю»—«Покоящемся Трудолюбцѣ» программа была значительно опредѣленнѣе, но статьи его точно такъ же, какъ и въ предыдущемъ изданіи, отличались по преимуществу мистическо-богословскимъ характеромъ; особенностью же его было лишь нѣкоторое преобладаніе статей, «посвященныхъ дѣтямъ и для дѣтей написанныхъ».

Здѣсь подъ статьями чаще всего видимъ имена: братьевъ А. А. и М. А. Антонскихъ, В. С. Подшивалова, П. А. Сохацкаго, К. В. Масловскаго, И. О. Софоновича, М. А. Петровскаго, А. М. Росинскаго, Я. И. Благодарова и Л. В. Голубовскаго, отъ лица которыхъ было написано и самое предисловіе, и которые всѣ почти стали впоследствии извѣстными профессорами и писателями.

Первымъ предсѣдателемъ и въ то же время наиболѣе дѣятельнымъ членомъ «Собранія питомцевъ» былъ М. Антонскій; членами, кромѣ «питомцевъ», были магистры и бакалавры словесныхъ наукъ

и старшіе студенты, которыхъ «принимали по выбору». О порядкѣ и характерѣ засѣданій «Собранія» у Тимковскаго ¹⁾ читаемъ слѣдующее: «Засѣданія открывались краткою рѣчью или разсужденіями череднаго оратора изъ членовъ съ вѣдома предсѣдателя. Рѣчь произносилась съ кафедръ. Затѣмъ другіе читали стихи, прозу, изящные переводы, рецензіи. Все читаемое обсуживалось подробно и искренно. Входили сужденія о новыхъ книгахъ; мнѣнія о языкѣ и словесности. Случались споры, сыпались остроты, но все благородно и прилично». Здѣсь Мерзляковъ читалъ первыя свои стихотворенія. Здѣсь же впоследствии раскрылись блестящіе дарованія и знаменитаго «пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ».

Послѣ Антонскаго предсѣдателями были не менѣе извѣстные писатели: П. Сохацкій, В. Подшиваловъ, С. Г. Саларевъ и др.

Мерзляковъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о Ѳ. Ѳ. Ивановѣ съ восторгомъ говоритъ о засѣданіяхъ этого «Собранія»; несомнѣнно, они нравились и многимъ другимъ, насколько, по крайней мѣрѣ, можно судить по выраженію той «благотворительной благодарности», какою почтили въ 1784 г. тогдашніе члены память своего наставника и основателя общества, проф. Шварца; они устроили особое засѣданіе, на которомъ былъ кураторъ университета Мелиссино; послѣдній, по сохранившемуся преданію, вообще недовольный дѣйствіями Шварца, былъ недоволенъ вначалѣ и этимъ засѣданіемъ, но послѣ того какъ выслушалъ рѣчи и стихи изъ устъ студентовъ, «самъ прослезился и расцѣловалъ ихъ».

Къ сожалѣнію, свѣдѣній о дѣятельности «Собранія университетскихъ питомцевъ» сохранилось немного, особенно за поздніе годы; несомнѣнно, что въ это время она была и менѣе оживленною, переживъ свой блестящій періодъ въ то десятилѣтіе, когда серьезнымъ двигателемъ собранія былъ незабвенный просвѣтитель русскаго народа, Н. И. Новиковъ. Тѣмъ не менѣе свѣдѣнія объ «упражненіяхъ въ переводахъ и сочиненіяхъ» питомцевъ и студентовъ продолжаютъ до конца царствованія Александра I. Изъ этихъ «упражненій» болѣе всего печатали Сохацкій и Подшиваловъ въ своихъ изданіяхъ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени», «Иппокрена или успѣхи любословія» и др.

По примѣру «собранія питомцевъ» Московскаго университета возникаетъ подобнаго же рода кружокъ и въ Петербургѣ изъ воспитанниковъ главнаго народнаго училища. Кружокъ этотъ, организованный, очевидно, при содѣйствіи проф. Сырейщикова, задумалъ немедленно же издавать свое періодическое изданіе, что и было ему разрѣшено въ 1785 году. Руководствуемые тѣмъ же профессоромъ

¹⁾ Воспоминанія о Московскомъ университетѣ въ «Москвитиниѣ», 1851 г., № 9—10.

Сырейщиковымъ, воспитанники главнаго народнаго училища въ теченіе 1785—1787 гг. выпустили въ свѣтъ 24 книжки своего изданія, подъ названіемъ: «Растущій Виноградъ», который былъ посвященъ Екатеринѣ II и былъ редактированъ В. Ѡ. Зуевымъ. Въ него вошли разныя мелкія стихотворенія: оды, сонеты, эпиграммы, басни и проч. — Прохора Соловьева, Ив. Виноградова, Ал. Фіалковского, А. Яхонтова и др., статьи историческаго, историко-литературнаго и философскаго характера, оригинальныя и переводныя, — все произведенія воспитанниковъ главнаго народнаго училища. Какъ бы въ видъ исключенія сюда вошли также и двѣ статьи «пажей» А. Балашова — «О табакѣ» и Ив. Новосельцева — «О плавленіи рудъ».

Въ началѣ текущаго столѣтія во Франціи особенно подвигался интересъ къ математическимъ наукамъ; послѣднія въ короткое время успѣли достигнуть наибольшаго развитія. Труды математиковъ: Лагранжа, Лапласа, Лакруа и др., значительно измѣнили даже систему и характеръ самаго преподаванія математическихъ наукъ; во главѣ предметовъ школьнаго обученія была поставлена математика, и политехническія училища во Франціи стали открываться почти повсюду. Это движеніе не могло, конечно, хотя бы въ слабой степени, не отразиться и въ Россіи; но замѣчательно, что такое отраженіе началось не съ профессоровъ, а съ юныхъ студентовъ Московскаго университета.

Въ 1810 году, студентъ университета Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ (впослѣдствіи знаменитый государственный дѣятель) задумалъ образовать при университетѣ изъ студентовъ и кандидатовъ общество математиковъ, съ цѣлію распространенія математическихъ знаній посредствомъ сочиненій, переводовъ и преподаванія. Юному организатору въ то время было всего только 14 лѣтъ отъ роду. Но его дѣлу вполне сочувствовалъ его отецъ, полковникъ Н. Н. Муравьевъ. Онъ, при помощи попечителя округа, Голенищева-Кутузова, добился высочайшаго утвержденія (7-го апрѣля 1811 года) устава общества математиковъ, который, впрочемъ, противъ первоначальной редакціи подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ и сообщилъ обществу преимущественно учебное направленіе. Студенты Терюхинъ (впослѣдствіи ординарный профессоръ), Щепкинъ, самъ основатель общества и Андреевъ взялись за преподаваніе чистой математики и нѣкоторыхъ частей прикладной, — между прочимъ М. Н. Муравьевъ знакомилъ съ аналитической геометріей, которая тогда не входила даже въ курсъ университетскаго преподаванія, — и Н. Н. Муравьевъ преподавалъ военныя науки, въ примѣненіи къ познаніямъ, какія требовались для квартирмейстерской части.

Такъ какъ университетъ отказалъ въ своемъ помѣщеніи, то своего рода новый математическій факультетъ обосновался въ квартирѣ Муравьева, который открылъ доступъ къ слушанію лекцій

всѣмъ желающимъ бесплатно, но обязывалъ ихъ, согласно уставу общества, къ «исправному посѣщенію избранныхъ лекцій, къ сохраненію въ классѣ молчанія, уваженію къ лектору и рачительному отношенію къ дѣлу», а въ противномъ случаѣ угрожалъ исключеніемъ. Число слушателей за все время существованія общества колебалось между 20—50.

Вмѣстѣ съ преподаваніемъ, лекторы находили возможнымъ заниматься переводами и издавать ихъ; такъ М. Н. Муравьевъ перевелъ ариметику и геометрію Лакруа, аналитическую геометрію Гарнье, братъ его — «Elements de Geometrie» Лежандра, Щепкинъ и Андреевъ — «Architecture hidravlique de Prony» и др.

Плодотворная дѣятельность членовъ этого юнаго общества вскорѣ же обратила на себя вниманіе публики и вызвала полное сочувствіе. Въ него не замедлили вступить почетными членами послѣ перваго же года — генераль-адъютантъ князь П. М. Волконскій, генераль-майоръ А. А. Саблуковъ, и ординарными — извѣстный основатель и редакторъ «Военнаго Журнала» П. А. Рахмановъ, Г. И. Шефлеръ, П. А. Сулима, А. Н. Муравьевъ и докторъ физико-математическихъ наукъ Д. А. Облеуховъ. Въ то же время выражалъ свое благоволеніе обществу и государь императоръ, награждая его президента Н. Н. Муравьева брилліантовымъ перстнемъ съ вензелемъ его императорскаго величества и орденомъ св. Анны 2-й степени.

Въ 1815 году, князь П. М. Волконскій, озабоченный подготовленіемъ образованныхъ офицеровъ, предложилъ слушателямъ лекцій общества математиковъ вступить въ службу колонновожатыхъ. Предложеніе это было принято, и около 45 слушателей, по выдержаніи предварительнаго экзамена, образовали въ 1816 году новое учебное заведеніе колонновожатыхъ, въ которое вошли лекторами прежніе же бывшіе студенты. Образованіемъ училища колонновожатыхъ, названнаго Муравьевскимъ по имени основателя его первообраза — общества математиковъ, еще болѣе поднимается значеніе послѣдняго.

Въ этомъ училищѣ, существовавшемъ до 1826 года преимущественно на частныя средства, получили образованіе 180 молодыхъ людей, изъ которыхъ и составилось офицерство гвардейскаго штаба. Здѣсь учились Николай Муравьевъ, Бурцевъ, князь В. С. Голицынъ, Басаргинъ, П. И. Колошинъ, Мухановы и др.

Безпрепятственной и успѣшной дѣятельности общества математиковъ безусловно помогало то благоприятное время, въ которое оно возникло. Образоваться во вторую половину александровскаго царствованія, да еще въ видѣ протеста противъ университетскаго преподаванія, оно не могло бы. Это наглядно доказываетъ судьба другаго общества воспитанниковъ, возникшаго въ 1821 г. въ Пе-

тербургѣ при Александровскомъ лицейѣ, подѣ именемъ «Лицейскаго Собранія». Основателемъ его былъ самъ директоръ лицея, высокопросвѣщенный Е. А. Энгельгардъ. При посредствѣ этого «Собранія» онъ хотѣлъ—«домашнимъ способомъ занимая пріятно и полезно молодыхъ людей»—сообщить имъ литературное образованіе.

Выработанный имъ же уставъ, сохранившій отчасти слѣды устава Московскаго общества математиковъ, гласилъ, что дѣйствительными членами «Собранія» могутъ быть только лицейскіе воспитанники старшаго возраста, что президентомъ его состоитъ директоръ лицея, и что предметомъ засѣданій служатъ чтеніе и разборъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій членовъ.

Не ожидая официальнаго утвержденія «Собранія» и, можетъ быть, даже увѣренный въ немъ, благодаря тому, что до сего онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ самого императора, Е. А. Энгельгардъ открылъ засѣданія собранія въ ноябрѣ 1821 года. На этихъ засѣданіяхъ реферировались и обсуждались слѣдующія темы: «Мысли о бытіи Высшаго Существа и о безсмертіи души составляютъ основу добродѣтелей и счастья челоуѣка», «Отчего просвѣщеніе народныхъ обществъ сопровождается испорченностью нравовъ», «Сатирическая похвала клеветѣ», «Взглядъ на главные перевороты въ русской исторіи», «О мизантропѣ Мольера» и «Взглядъ на законодательство Екатерины II»¹⁾.

Но недолго могли продолжаться эти засѣданія, и увѣренность директора вскорѣ же должна была потерпѣть серіозное пораженіе; 22-го января 1822 года, князь Голицынъ, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, сообщилъ ему, что его императорское величество образованіе «Лицейскаго Собранія» находитъ «неприличнымъ и ненужнымъ» на томъ основаніи, что занятія въ собраніи «только развлекаютъ и отнимаютъ время», что «лицейстамъ болѣе прилично слушать много знающихъ и опытныхъ, нежели проявлять мысли свои въ томъ, чему еще обучаются», и, наконецъ, что они «могутъ потерять уваженіе къ начальству».

Закрывая въ силу этого извѣщенія послѣднее засѣданіе «Собранія» «съ чувствомъ сердечнаго прискорбія», Энгельгардъ въ концѣ слѣдующаго года долженъ былъ покинуть и самый лицей.

Кромѣ Петербурга и Москвы, до 20-хъ годовъ царствованія Александра I находимъ еще три студенческихъ общества. Первымъ изъ нихъ возникло въ 1806 году «Общество вольныхъ упражненій въ російской словесности» при Казанскомъ университетѣ. Первоначально основателями его были учителя Казанской первой гимназіи, и въ число ихъ вошли только два студента—Вас. Пере-

¹⁾ Единственная тема, читанная Замятнинымъ, впоследствии министромъ юстиціи, на русскомъ языкѣ, остальные же всѣ на французскомъ языкѣ.

вощиковъ и П. Кондыревъ, пожелавшіе также «усовершенствовать себя въ литературѣ». Но послѣ перваго же засѣданія въ него вошелъ студентъ Порфирій Безобразовъ, а затѣмъ и другіе: И. и А. Панаевы, Д. Княжинъ и Сергій Аксаковъ, принятый въ число членовъ лишь въ 1807 году, по представленіи стихотворенія «Зима». Держалось это общество, главнымъ образомъ, благодаря безсмѣнному секретарю его, П. Кондыреву, всегда находившему матеріалъ для сообщенія въ видѣ стихотвореній, риторическихъ статей и т. п. Несмотря на то, что оно не оставило послѣ себя видныхъ слѣдовъ своей дѣятельности, тѣмъ не менѣе оно важно, какъ прообразъ или первоначальный видъ будущаго и дѣятельнаго казанскаго общества любителей отечественной словесности.

Въ 1819 году, при Харьковскомъ университетѣ образовалось «Общество студентовъ любителей отечественной словесности», еженедѣльные засѣданія котораго происходили подъ предѣтельствомъ студента А. Склабовскаго, одного изъ основателей общества, и подъ руководствомъ профессоровъ: Г. Успенскаго, А. Дубровича и др. Въ томъ же году это общество выпустило въ свѣтъ на свои средства, при наличности всего восьми членовъ, и первый томъ своихъ «Трудовъ», въ который вошли въ отдѣлѣ прозы: а) статьи «нравственно-назидательныя» — «О познаніи Бога изъ природы», «О причинахъ упадка краснорѣчія», «Окрестности Рейна», «Четыре возраста человѣка» и др., и б) «картинныя» описанія кладбища, шума вѣтра, розы, временъ года и проч. — всѣ или переводныя или заимствованныя изъ Сень-Пьера и Гердера. Второй отдѣлъ — «стихотворенія» — наполненъ цѣлымъ рядомъ гимновъ, посланій, элегій, идиллій и другихъ мелкихъ стихотвореній. Въ томъ и другомъ отдѣлѣ самымъ плодовитымъ писателемъ былъ А. Склабовскій, которому принадлежатъ и лучшія стихотворенія среди другихъ поэтовъ-студентовъ: Н. Петровскаго, И. Золотарева, И. Гонорскаго и А. Карасева, а за нимъ слѣдуетъ Н. Левицкій, наполнившій своими переводами и передѣлками едва ли не половину всей прозы.

Но учено-литературная дѣятельность студентовъ Харьковскаго университета началась значительно раньше, а именно въ 1811 году, по почину «воспитанниковъ войска Донскаго въ Харьковскомъ университетѣ», Греченовскаго и Кондратьева, представившихъ въ своемъ «Сочиненіи» описаніе мѣстопребыванія и свойствъ казаковъ войска Донскаго и нѣсколько стихотвореній, подъ заглавіями: «Донской осетръ», «Вечеръ», «Виноградъ», «Осень» и «Во снѣ и наяву», о характерѣ и достоинствахъ которыхъ можно судить до нѣкоторой степени уже по самому началу перваго изъ нихъ:

«Князь рыбій водъ тихаго Дона,
 «Красавецъ осетръ молодой,
 «Прелестный средь мокраго лона
 «Кусокъ на столѣ дорогой»...

Въ 1817 году, появились въ свѣтъ «Сочиненія студентовъ и вольнослушателей Императорскаго Харьковскаго университета», которыя были читаны съ одобренія словеснаго отдѣленія и представляли какъ бы продолженіе экзаменовъ. Въ составъ ихъ вошли по преимуществу статьи и разсужденія на отвлеченныя темы, въ родѣ статей: «Объ испорченности природы человѣческой и о помощи, какую доставляетъ намъ истинная философія», «Воображеніе», «Объ истинномъ счастіи», «О любви къ отечеству» и др. Единственною содержательною статьею изъ всего сборника является «Сравненіе Русской Правды съ Судебникомъ» Николая Нестеровскаго.

«Сочиненія» эти въ соединеніи съ «переводами» продолжали выходить и въ 1818—1821 годахъ; въ нихъ также господствуютъ статьи отвлеченно-философскаго содержанія, но встрѣчаются и разнаго рода мелкія стихотворенія студентовъ: А Склабовскаго (впоследствии профессора того же университета), Шкляревича, Дыздарева, Карасева, Петрова, Бѣлозерскаго и одна довольно содержательная статья: «Историческій взглядъ на Россію отъ основанія монархіи до порабоженія ея татарами, отъ 862 г. до 1240 г.», А. Склабовскаго.

Въ томъ же Харьковскомъ университетѣ въ 1821 г. образовалось «Студенческое библейское сотоварищество», поставившее себѣ задачею изученіе «Слова Божія» и распространеніе его между «неимущими сей небесной манны, сего божественнаго хлѣба», но о дѣятельнейшей его дѣятельности ничего неизвѣстно.

По примѣру харьковскихъ студентовъ и воспитанники Рипельевскаго лицея открыли свое «Общество сорежнователей отечественной словесности» и лучшія изъ своихъ «сочиненій и переводовъ» вносили въ особую книгу, называвшуюся «Эвксинскою Музою».

Въ наступившее послѣ декабрьскихъ дней новое царствованіе подобнаго рода общества и сотоварищества должны были прекратить свою дѣятельность, а открытіе новыхъ «съ дозволенія начальства» было невозможно.

Слѣдуя хронологическому порядку, мы должны были бы остановиться далѣе на кружкѣ Станкевича, который образовался въ Москвѣ, главнымъ образомъ, изъ университетской молодежи и подъ вліяніемъ идей, господствовавшихъ въ то время въ Германіи, но объ немъ говорилось такъ уже много въ разныхъ историко-литературныхъ трудахъ, что мы можемъ его вовсе и не касаться, и, минуя также подобный же кружокъ, одновременно основанный въ Харьковѣ братомъ Станкевича, студентомъ втораго курса, перейдемъ прямо къ кружку студентовъ С.-Петербургскаго университета, возникшему въ 1856 году.

Какъ извѣстно, съ воцареніемъ императора Александра Николаевича началось у насъ сильнѣйшее броженіе особенно среди интеллигентнаго класса въ пользу обновленія жизненныхъ устоевъ, въ пользу участія во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни и дѣятельности. Не отстала отъ этого броженія и университетская молодежь. Студенты Петербургскаго университета «живо прониклись убѣжденіемъ, что пришло время и имъ сказать свое слово». Убѣжденіе это прежде всего выразилось въ томъ, что они предприняли изданіе «Студентскаго сборника», включивъ въ его программу: 1) оригинальныя сочиненія ученаго содержанія, 2) подобнаго же рода переводы и 3) мелкія историко-литературныя замѣтки. До выпуска въ свѣтъ перваго его тома, редакторы обратились съ вопросными письмами къ разнымъ писателямъ и дѣятелямъ, прося ихъ откровенно изложить свое мнѣніе по поводу задуманнаго ими предпріятія. Въ отвѣтъ на это откликнулись только нѣкоторые. Профессоръ Плетневъ необыкновенно сочувственно отозвался о мысли студентовъ издавать «Сборникъ» и видѣлъ въ этомъ, между прочимъ, немалое средство къ «единенію между студентами». С. Т. Аксаковъ писалъ, что намѣреніе студентовъ издавать «Сборникъ» онъ считаетъ «достойнымъ всякаго уваженія, краснорѣчиво говорящимъ о благородномъ направленіи къ общепользнымъ и основательнымъ трудамъ и просвѣщенной дѣятельности университетскаго юношества», и въ заключеніе прибавилъ, что это намѣреніе «встрѣтитъ живое участіе и содѣйствіе отъ всѣхъ образованныхъ людей всей пространной Руси». Наконецъ, Н. И. Пироговъ, отнесшійся значительно холоднѣе предшествующихъ писателей, также видѣлъ большую пользу въ этомъ предпріятіи и считалъ его «признакомъ жизни», но лишь при соблюденіи того условія, чтобы главные дѣятели были объективны и «строго убѣждены въ необходимости своего дѣла».

Обращаясь къ содержанію всѣхъ трехъ выпусковъ «Студентскаго Сборника», мы должны сказать, что ожиданія по поводу его какъ самихъ студентовъ, такъ и Плетнева и С. Т. Аксакова, не были особенно преувеличены. Многія изъ его статей сохранили свое научное значеніе и до сихъ поръ. Замѣчательно, что всѣ имена авторовъ ихъ принадлежатъ выдающимся современнымъ намъ писателямъ и ученымъ.

Въ первый выпускъ, изданный въ 1857 году, подъ главною редакцію адъюнкта М. И. Сухоминова, вошли выдержки изъ кандидатскихъ сочиненій о баронѣ Сигизмундѣ Герберштейнѣ—Корелкина, Григоровича и Новикова, переводъ «Commentarii» Герберштейна—Анонимова (продолжался и во второмъ выпускѣ) и изслѣдованіе Панова: «О новгородской судной грамотѣ 1471 г.». Объ этомъ послѣднемъ изслѣдованіи И. Е. Андреевскій въ свое время далъ восторженный отзывъ.

Во второмъ выпускѣ (1860 г.¹⁾) находимъ, кромѣ упомянутаго перевода Анонимова, лучшаго и до сихъ поръ, статьи: «Организмы на границѣ животнаго и растительнаго царства»—А. С. Фаминцына (нынѣ ординарнаго академика); «Вильгельмъ Гумбольдтъ»—Д. И. Писарева (обширная и обнаруживавшая его начитанность и бойкое перо); «Филологическій разборъ числительныхъ именъ», переводъ сочиненія Шафарика—В. Макушева; «О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова»—А. П. Пятковского (нынѣ редактора-издателя журнала «Наблюдатель»); «Замѣтки о Грибоѣдовѣ»—Л. Н. Майкова (нынѣ вице-президента Академіи Наукъ) и публичныя лекціи: М. М. Стасюлевича—«О провинціальномъ бытѣ Франціи въ эпоху Людовика XIV» и Благовѣщенскаго «Ювеналъ».

Наконецъ, въ третьемъ выпускѣ, напечатанномъ въ 1866 г., но не поступавшемъ въ продажу и едва ли не въ единственномъ экземплярѣ сохранившемся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, помѣщены: продолженіе перевода Анонимова; «Ахаряне», переводъ комедіи Аристофана—Новоселова; «Восьмая сатира» Ювенала, стихотворный переводъ В. И. Модестова; «О происхожденіи дворянства и гербовъ въ Польшѣ», историческое изслѣдованіе Шайнохи, переводъ съ польскаго О. Перскевича, и «Уставныя и судныя грамоты»—неизвѣстнаго автора.

Кромѣ того, въ этихъ выпускахъ немало имѣется и мелкихъ замѣтокъ біографическаго и бібліографическаго содержанія и довольно интересныхъ статейъ изъ внутренней жизни С.-Петербургскаго университета.

Вліянію попытки издавать «Студентскій сборникъ» слѣдуетъ отнести и появленіе слѣдующихъ интересныхъ и замѣчательныхъ работъ гг. студентовъ: И. Лазаревскаго и Я. Утина—«Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права» (Спб., 1859 г.); Бенардаки и Богусевича—«Указатель статей серьезнаго содержанія, помѣщенныхъ въ русскихъ періодическихъ журналахъ прежнихъ лѣтъ» (Спб., 1858 г.); Бенардаки—переводъ на англійскій языкъ «Горе отъ ума» А. Грибоѣдова, и Аверкіева и П. Алексѣева—переводъ на русскій языкъ «Введенія къ изученію химіи по системѣ Шарля Жерара».

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что изданіе того же «Сборника» повлекло за собою устройство «кассы бѣдныхъ студентовъ» и въ связи съ послѣдней—устройство самими же студентами концертовъ и публичныхъ чтеній, къ участию въ которыхъ съ большою готовностью откликнулись многіе тогдашніе артисты и профессора.

¹⁾ Первый и второй выпуски изданы по ходатайству графа Блудова на счетъ суммъ II Отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Послѣ 1865 года до 1882 года ничего не извѣстно ни о какихъ обществахъ студентовъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ; въ этомъ же (1882) году, 16 августа, съ разрѣшенія университетскаго совѣта былъ отпечатанъ «Уставъ студенческаго научно-литературнаго общества». Въ уставѣ этомъ читаемъ: «Научно-литературное общество состоитъ въ вѣдѣніи университетскаго начальства и подъ почетнымъ предсѣдательствомъ попечителя учебнаго округа. Ректоръ университета есть непремѣнный членъ общества и въ отсутствіи попечителя или по соглашенію съ нимъ имѣетъ право принять на себя предсѣдательство въ томъ или другомъ засѣданіи. Общество имѣетъ цѣлю содѣйствовать научнымъ и литературнымъ занятіямъ студентовъ, устраивая научные рефераты и литературныя чтенія, предпринимая переводы иностранныхъ научныхъ сочиненій и изданія въ видѣ сборниковъ или отдѣльныхъ брошюръ лучшихъ студенческихъ диссертаций и научно-литературныхъ статей, прискивая научно-литературныя занятія студентамъ, принимающимъ участіе въ дѣятельности общества, и выписывая научные и литературные журналы и наиболѣе необходимыя для университетскихъ занятій сочиненія для пользованія своихъ членовъ».

Авторъ статьи «Пробужденіе студенческой жизни», изъ которой мы заимствовали вышеизложенное о «научно-литературномъ обществѣ», г. Сыромятниковъ (Сигма), сообщаетъ и нѣсколько заглавій рефератовъ, читанныхъ на засѣданіяхъ этого общества. Такъ, Ф. А. Браунъ читалъ о Беовульфѣ, А. М. Ону — о школѣ въ Константинополѣ, Е. В. Пѣтуховъ — о народныхъ пересказахъ Тараса Бульбы; проф. О. Э. Миллеръ сказалъ нѣсколько словъ о поэтѣ Подолинскомъ, умершемъ въ 1886 году; Н. Д. Чечулинъ — о Московскомъ университетѣ и собраніи воспитанниковъ благороднаго пансіона въ XVIII вѣкѣ за первое пятилѣтіе его существованія; Муромцевъ — о студенческихъ кружкахъ въ Вѣнѣ; Сыромятниковъ — по поводу 500-лѣтняго юбилея Гейдельбергскаго университета и др.

Съ уходомъ въ 1887 году изъ университета ректора И. Е. Андреевскаго и съ перемѣной обстоятельствъ, научно-литературное общество прекратило свое существованіе, оставивъ по себѣ въ очень многихъ участникахъ прекрасную память.

Возникновеніе петербургскаго научно-литературнаго общества, намъ кажется, стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о студенческихъ обществахъ, возбужденнымъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія еще при А. А. Сабуровѣ въ 1880 году. Мы знаемъ, что тогда былъ сдѣланъ запросъ министерствомъ объ этихъ обществахъ въ университетскіе совѣты, которые и не замедлили своимъ отвѣтомъ, представивъ обширные доклады, какъ, напримѣръ, докладъ совѣта Харьковскаго университета, составленный при наи-

большемъ участіи профессора Потебни; но, къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть этихъ докладовъ: они находятся въ настоящее время въ дѣлопроизводствѣ.

Въ заключеніе объ обществахъ коснемся еще тѣхъ изъ нихъ, какія существовали въ Дерптскомъ (Юрьевскомъ) университетѣ. Тамъ до послѣднихъ годовъ почти постоянно и почти на всѣхъ факультетахъ устраивались студенческіе кружки, преслѣдующіе, главнымъ образомъ, научныя цѣли и руководимые кѣмъ либо изъ профессоровъ. Объ одномъ изъ такихъ кружковъ извѣстіе проникло и въ нашу печать, и такъ какъ программа его довольно небезынтересна и поучительна, то мы и скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Въ 1889 году, по иниціативѣ студентовъ Н. Буша, А. фонъ-Гернета и П. Рорбаха и при дѣятельномъ участіи профессоровъ Гаусмана и Брикнера, возникъ историческій кружокъ студентовъ. Главныя положенія его устава, утвержденного университетскимъ начальствомъ, заключались въ слѣдующемъ. Кружокъ ставитъ своею задачею «объединеніе студентовъ на почвѣ серьезнаго научнаго общенія, преслѣдуя общее образованіе и включая всѣ развѣтвленія исторической науки». Для достиженія этой цѣли должны служить: литературныя рефераты (преимущественно о новыхъ историческихъ сочиненіяхъ), чтенія источниковъ, доклады (на темы, одобренныя кружкомъ) и бесѣды, подъ которыми понимаются пренія о тезисахъ докладовъ, разъясненія предложенныхъ вопросовъ и «вообще всякій устный обмѣнъ мыслей о вопросахъ и предметахъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ исторіей».

Во главѣ кружка стоитъ научная коммиссія изъ четырехъ членовъ. На засѣданіяхъ его, происходившихъ разъ въ двѣ недѣли въ періодъ учебныхъ мѣсяцевъ, былъ прочитанъ за три года существованія цѣлый рядъ рефератовъ, докладовъ и т. п., которые, впрочемъ, нигдѣ не печатались. Для характеристики ихъ достаточно привести нѣсколько заглавій: «Развитіе папства», «Норманнскій вопросъ», «Литература балтійской исторіи за послѣднія 25 лѣтъ», «Генрихъ Латышь и чтеніе избранныхъ мѣстъ изъ его хроники», «Архивъ князя Воронцова», «Баронъ фонъ-Штейнъ и чтеніе изъ его автобіографіи», «О могильныхъ находкахъ въ приходѣ Тирсенъ, Лифляндской губерніи», «Висби и его развалины», «Картографія Балтійскаго края», «Мемуары г-жи Роланъ», «Сборникъ русскаго историческаго общества», «Взглядъ Нитча на развитіе Германіи», «Мнѣніе Ранке объ исторіи Лифляндіи», «С. М. Соловьевъ», «Возстаніе ливовъ и латышей въ 1212 году», и др.

Мы, конечно, далеко не исчерпали всего матеріала о студенческихъ научныхъ обществахъ, но и сказаннаго, намъ кажется, достаточно, чтобы судить, насколько плодотворна была дѣятельность

этихъ обществъ, все болѣе и болѣе возвышавшаяся въ моменты наиболѣе свободнаго отъ излишняго контроля и наиболѣе дружнаго труда и общенія руководителей со студентами. Вышеприведенныя имена студентовъ-членовъ обществъ наглядно доказываютъ, какую услугу оказали эти студенческія общества нашей литературѣ и наукѣ, и какую подготовительной школой они послужили для будущиxъ общественныхъ дѣятелей.

В. Рудаковъ.

